
ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

УДК 821.133.1

МАЗИНА Ю.Д.¹ НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА
А.-Ф. ПРЕВО. (Обзор).

DOI: 10.31249/lit/2021.02.09

Аннотация. Работа содержит обзор новых исследований творчества французского писателя эпохи Просвещения Антуана Франсуа Прево (1697–1763). Особое внимание уделяется романам «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731), «История юности Командора» (1741) и «Киллеринский настоятель» (1735–1740): уточняются особенности жанра мемуарного романа Прево, рассматриваются функции в нем несобственно-прямой речи, прослеживается эволюция замысла романа «Киллеринский настоятель» (1735–1740), анализируются особенности и функции «тюремного пространства», исследуется трансформация образов героев.

Ключевые слова: французская литература XVIII в.; творчество аббата Прево; мемуарный роман; несобственно-прямая речь; варианты развязки; пространство тюрьмы.

MAZINA Iu.D. New studies of A.-F. Prévost's writings. (Review).

Abstract. The review deals with a few recent studies on the writings by the Antoine François Prévost and pay special attention to his novels *The History of the Chevalier des Grieux and Manon Lescaut*

¹ © Мазина Ю.Д.

Мазина Юлия Денисовна – магистрант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

(1731), *The History of young Commander* (1741), and *The Dean of Killerine* (1735–1740). The reviewed works clarify some features of the genre of memoir-novel, examine functions of the free indirect discourse, outline the evolution of the conception of *The Dean of Killerine* (1735–1740), analyze «prison» as a particular space, and follow transformations of characters' images.

Keywords: French literature of the 18th century; works of abbé Prévost; memoir-novel; free indirect discourse; variants of denouement; «prison space».

Для цитирования: Мазина Ю.Д. Новые исследования творчества А.-Ф. Прево. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 112–122. DOI: 10.31249/lit/2021.02.09

В настоящее время творчество Антуана Франсуа Прево (1697–1763) продолжает активно исследоваться зарубежными литературоведами, уточняющими и углубляющими представление о романной прозе эпохи Просвещения в свете современных представлений о литературном процессе этого периода. В данном обзоре рассматриваются наиболее интересные новые статьи, в которых затрагиваются актуальные, но до сих пор малоизученные вопросы стиля писателя, анализируются доминирующие романские топосы, исследуется проблема памяти и т.п.

Статья Ж.-Д. Голлу и Ж. Зуффере «Нерегулируемая косвенная речь: предок несобственно-прямой речи?» [2] дает статистические представления об использовании аббатом Прево приема несобственно-прямой речи в произведениях. Отмечая высокую частотность предложений, отвечающих условиям несобственно-прямой речи в романах Прево, авторы задаются вопросом, почему большинство исторических работ, посвященных данному типу дискурса, не затрагивают эту тему.

Хотя в целом несобственно-прямая речь используется писателями XVIII в. достаточно ограниченно и «деликатно», в случае Прево можно говорить об активном применении данного приема. Более того, количество случаев употребления увеличивается не только от произведения к произведению, но и от одной редакции текста к следующей. Наиболее ярким примером выступает роман

«История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731). В исходном варианте 1731 г. пассаж, повествующий об обстоятельствах смерти Манон Леско, представляет собой отчет изготовителя машин в форме косвенной речи с рядом подчинительных конструкций [2, р. 128]. Тот же отрывок, переписанный Прево в 1753 г., не содержит подчинительных синтаксических элементов вовсе. Указанные коррективы писателя неоднозначно воспринимаются исследователями. Так, А. Франсуа [9] уверенно заявляет, что несобственно-прямая речь активно входит в творчество Прево и с каждым новым романом употребляется все чаще. О. Принсипато [3] убежден в ошибочности суждений Франсуа ввиду недостаточного количества примеров реализации сочетания устного и письменного стилей, характерных для несобственно-прямой речи, в «Истории кавалера де Грие и Манон Леско». «История одной гречанки» (1740) также становится объектом полемики: Дж. Уолш [8] не согласен с мнением В. Бюлера [1], настаивая, что голос героини преимущественно передается автором с помощью несобственно-прямой речи.

Ж.-Д. Голлу и Ж. Зуффере в [2] связывают разночтения при анализе повествовательного метода Прево с характерной для автора тенденцией к нейтрализации пассажей разных типов дискурса вплоть до слияния несобственно-прямой речи с авторским повествованием. Данная проблема детально анализируется авторами статьи с точки зрения синтаксиса, референциального и модального аспектов высказываний, а также текстуальности. Очевидна закономерность – частота употребления предложений в несобственно-прямой речи растет с каждым переизданием и выходом каждого следующего романа, в то время как использование косвенной речи, напротив, сокращается. Первый роман «Мемуары и приключения знатного человека, удалившегося от света» (1728–1731) содержит около 15 примеров употребления несобственно-прямой речи и около 100 – косвенной речи. В «Английском философе» (1731–1739) соотношение количества примеров употребления двух названных типов дискурса относительно сбалансированно (50/40), при этом несобственно-прямая речь в десятой книге встречается практически в два раза чаще косвенной. Публикации «Киллеринского настоятеля» (1735–1740) также демонстрируют проявление

большого интереса к использованию несобственно-прямой речи. Наконец, более поздние романы подтверждают превалирование несобственно-прямой речи над косвенной: «История одной гречанки» (1740) – 20/10 и «История юности Командора» (1741) – 30/6.

На основании полученных данных Ж.-Д. Голлу и Ж. Зуффере делают вывод об использовании несобственно-прямой речи аббатом Прево в качестве альтернативы косвенной речи с подчинительной связью [2, р. 141]. Стилистические предпочтения авторов XVIII в. характеризуются стремлением избегать тяжеловесных конструкций с множеством подчиненных придаточных, длительных периодов и грузного гипотаксиса. Так, Пьер де Мариво (1688–1763) и Клод Кребийон (1707–1777) решительно отдают предпочтение прямой речи, а аббат Прево, в свою очередь, находит альтернативу сложноподчиненным предложениям в «неопределенной» (*non régi*) косвенной речи, когда фраза, по сути дела, передает чью-то прямую речь, но остается неясным, чью именно. Авторы статьи замечают, что повествовательные эксперименты Прево представляют собой первую стадию синтаксической эмансипации высказываний.

В статье «Три варианта концовки “Киллеринского настоятеля”» [4] О. Принсипато рассматривает изменение замысла романа Прево «Киллеринский настоятель» (1735–1740) в зависимости от внешних факторов, повлиявших на жизнь автора. Роман включает в себя шесть частей из 12 запланированных, пять из которых появились только в 1739–1740 гг. Изменение замысла и длительный временной промежуток между публикациями первой и остальных частей связаны с вынужденным перерывом в работе над романом. О жизни писателя в тот период известно мало, но, вероятно, временное прекращение работы объясняется конфликтом Прево с церковной властью.

Под влиянием вынужденной паузы в работе изначальная задумка 1734 г. трансформировалась. Обнаруживаются к тому же некоторые нестыковки в развитии сюжета: автор забывает, что оставил камердинера главного героя во Франции, и показывает его в Ирландии, некоторые персонажи знают больше, чем должны,

или, напротив, игнорируют факты, которые им известны, рассказчик ошибается в указании времени суток произошедших событий. Помимо мелких ошибок наблюдаются изменения на трех уровнях: уровне пейзажа, характера героя и моральных представлений персонажей. Данные аспекты порождают впечатление несвязности.

Длительный временной разрыв между написанием первой и последней части влияет на историческую обстановку в романе. Прево помещает семью настоятеля в Ирландию, о культурных особенностях которой слабо осведомлен, из-за чего допускает ошибки. Время действия также вызывает вопросы: в начале романа создается впечатление, что события происходят позднее 1690 г. – после поражения якобитов в битве на реке Бойн, – но в частях, написанных после перерыва, есть несколько отсылок к событиям, предшествующим сражению. Наблюдается отказ от барочной модели повествования в пользу романических особенностей: вместо приключений в поездках между Ирландией и Францией интрига теперь сосредоточена в сценах парижской городской жизни. Второстепенные персонажи, игравшие важную роль в первой части, стираются, уходят в забвение, становятся бесполезными. Главные герои получают новые имена: Жорж именуется теперь лордом Термериллом, а Роуз – графиней С.

Трансформируется образ главного героя – из проповедника, отстаивающего строгость морали, настоятель превращается в искусного «манипулятора на уровне риторики» [4, par. 26]. Новое мировосприятие настоятеля опирается на иное моральное представление, в конце романа раскрывшееся в изучении им распутства и психологической нестабильности персонажей. Данное видение предполагает меньшую опору на религию. К концу романа движущей силой сюжета становится «механика чувств» [4, par. 28].

В статье Ж. Сгара «Смерть Манон» [5] анализируется изображение кончины героини. О смерти Манон никто не знает, завуалированное объявление о ней действует парадоксально: оно управляет повествованием, пропитывает его и формирует вывод, но не раскрывается вплоть до самой развязки [5, par. 1]. Читатель может догадываться о случившемся несчастье, но узнает о нем,

только дождавшись окончания истории. По мнению Ж. Сгара, вся история кавалера де Грие и Манон Леско представлена как ретроспективный отчет с пролеписом [5, par. 1].

Форма повествования зависит от выбора рассказчика, Прево делает таковым де Грие, вследствие чего на первый план выходит страсть, отодвигая мораль на периферию: формирование выводов приостановлено. Оригинальность истории де Грие обеспечивается правдивостью деталей проникнутого размышлениями и чувствами повествования, основанного на потоке эмоций и возвращениях к прошлому, к смыслу прожитого приключения. Рассказ оживляется завуалированными сообщениями и неполными комментариями: подразумеваемая смерть Манон выстраивает моральное и стилистическое единство истории. Де Грие виртуозно владеет приемом пролеписа – в его рассказе насчитывается около пятидесяти эпизодов тревожного ожидания [5, par. 4].

Образ смерти вторгается в рассказ в тот момент, когда герой полностью осознает масштабы своего несчастья. Символическая смерть де Грие предопределяет неминуемую смерть Манон. По мнению Ж. Сгара, «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731) принадлежит циклу о женщинах-мученицах, представленному в «Мемуарах и приключениях знатного человека, удалившегося от света» (1728–1731). Смерти женских персонажей неизбежны, они трагичны и приобретают символическое значение [5, par. 3].

В этом контексте Ж. Сгар сравнивает «Историю кавалера де Грие и Манон Леско» (1731) с «Историей господина де Пре и мадмуазель де л'Эпин» (1713) Р. Шаля, оказавшей серьезное влияние на Прево. Прево внимательно читал сочинение Р. Шаля и заимствовал отсюда множество мотивов, наполнив аллюзиями на него свой роман. Сюжеты историй схожи, однако если историческое по характеру повествование де Пре выстроено хронологически, то в повествовании де Грие преобладают патетика и страсть.

Отмечается, что Манон с самого начала выглядит как женщина при смерти: дрожащие руки, слабый голос, вялые проявления любви и пролитые слезы, – тело Манон как будто с первых страниц подвержено влиянию смерти, ее образ обещает скорую кончину.

Сальва Тактак в [6] анализирует образы тюрьмы в романе «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731). Вообще, изображения тюрьмы в романах XVIII в. достаточно однотипны: тюрьма – это всегда удручающее место, где плохо кормят и царит антисанитария. С. Тактак исследует тюрьму как непреодолимое пространство. В первой части статьи рассматриваются описания архитектурного устройства мест заключения.

В романе «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731) тюрьма отмечена существенными особенностями, характеризующими ее неприступность: упомянуты бдительность надзирателей и высота стен. Высота – признак, объединяющий образы домашней тюрьмы (комнаты, в которой заперт де Грие) и тюрьмы Сен-Лазар. Детальное описание комнаты отсутствует, однако упоминается «высота окон», которая подразумевает непроходимость тюремного пространства. Камера в тюрьме Сен-Лазар находится наверху и называется «une chambre haute» («высокая комната»). Больничная палата, где заперта Манон, также находится высоко: нужно идти вверх по лестнице. Высота потолка и нахождение комнаты наверху характерны для изображения тюремного пространства в романе [6, р. 2], считает С. Тактак.

Тюрьма Сен-Лазар и больница Сальпетриер в романе – не просто архитектурные сооружения или места событий, это символы одиночества и страдания, а также фоновые декорации для проявления соответствующих эмоций и впечатлений героев. Несмотря на отсутствие детализированных описаний интерьеров, непроходимость и непреодолимость пространства подчеркивается неоднократно: наличием многочисленных запутанных галерей и прочностью дверей. Суровость заключения Манон в больнице раскрывается метонимически через указание на толщину ключа от двери комнаты. Важным аспектом, подтверждающим строгость тюремного заключения, является как само наличие стражи, так и действия надзирателей: слуги отца де Грие отказываются помочь организовать побег, надзиратель в Сен-Лазаре работает с де Грие, внушая ему «вкус к добродетели и религии»¹, второй тюремный надсмотрщик защищает тюрьму ценой собственной жизни [6, р. 5].

¹ Prévost A.F. *Manon Lescaut*. – Paris, 2012. – P. 110.

Далее исследуется взаимосвязь комнат заключения с внешним миром. Несмотря на то что тюрьма синонимична одиночеству и уединению, запертый в ней герой не находится в полной изоляции. Заключение де Грие не исключает посещений слуг и даже становится плодотворным благодаря контакту с настоятелем и визитам гостей [6, р. 6]. «Исправление» Манон также проходит не в полной изоляции – у нее есть камердинер, регулярно приносящей шитье и чтение.

С. Тактак приходит к выводу о «мнимой амбивалентности» изображения тюрьмы в романе «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731). С одной стороны, это закрытое и непроходимое, с другой – открытое и доступное пространство. Но противоречие кажущееся, так как тюрьма оказывается непреодолимой в обоих случаях [6, р. 9]. При этом цель заключения – разлучить влюбленных – напротив, соединяет их и укрепляет любовную связь. Тюрьма – это фоновая декорация для представления и возвышения страсти. Мотив заключения оказывается катализатором драмы и радости в тексте Прево.

А. Турекова посвящает свою статью [7] проблеме памяти в романах XVIII в. Мемуарный роман заявляет о себе как о доминирующем типе повествования в первой половине XVIII в. Композиция мемуарного романа строится на основе воспоминаний героя-рассказчика о его давно ушедшей любви. Вопрос взаимодействия памяти и воображения чрезвычайно важен и для творчества аббата Прево в контексте литературной мысли XVII–XVIII вв. В романе «История юности Командора» (1741) – в каком-то смысле обратной истории кавалера де Грие, – память и воображение героя подчиняются законам карикатуры [7, р. 29]. А. Турекова полагает, что для жанра мемуарного романа характерно сочетание концептов памяти и воспоминания, поскольку «автором» истории является герой, а воображение помогает ему восстанавливать в памяти и, что немаловажно, представлять произошедшие события в выгодном для себя свете. Негласная претензия на правдивость истории поднимает вопрос о роли воображения в повествовании аббата Прево, поскольку герои – рассказчики его романов прямо или кос-

венно стремятся произвести патетический эффект, увлечь слушателя и завоевать его симпатию [7, р. 31].

«История юности Командора» (1741) – второй роман трилогии, задуманный как переписывание и расширение истории кавалера де Грие и Манон Леско. Очевидна отсылка к тексту «Мемуаров и приключений знатного человека, удалившегося от света» (1728–1731): обоим героям суждено стать рыцарями, оба встречаются молодую девушку, любовь к которой нарушает привычный и спокойный уклад их жизни, их страсти бурлят около трех лет в разлуках и воссоединениях, а затем оба теряют своих возлюбленных.

Задача автора мемуаров нарисовать образ уникальной и трагической страсти, входящей в конфронтацию с аристократическими ценностями и честью. Рассказчик сразу же позиционирует себя как трагического героя, которого обуяла страсть исключительной ценности. В романической традиции воображение – верный спутник памяти: оно позволяет герою непрерывно оживлять и обновлять в своей душе образ возлюбленной, наделяя его значимостью и необычайной привлекательностью [7, р. 33]. Однако герой «Истории юности Командора» (1741) одержим не только образом Елены, но и собственным образом влюбленного рыцаря, преодолевающего препятствия на пути к своей любви, готового сражаться и умереть за свои чувства. Когда у него появляется возможность жениться на Елене, он всеми способами пытается убедить девушку сделать выбор в пользу «сладостей свободы» и не отягощать себя «узами, ответственность за которые он совершенно не желает на себя брать»¹. Несоответствие между романической страстью, подкрепленной воспламеняющим воображением, и реальными ситуациями, в которые попадает герой, придает ей пародийный эффект. Фарс и девальвация страсти прослеживаются во всех значимых моментах истории любви Командора и Елены. Воображение не только насыщает образ возлюбленной влечением к ней, но и способно разрушить чувства. Изуродованное лицо Елены отталкивает героя, заставляет его потерять интерес и оправдывать собственную «нежеланную непоследовательность»².

¹ Prévost, A.-F. La Jeunesse du Commandeur. – Paris, 2005. – P. 77

² Ibid.

А. Турекова сравнивает образы Манон Леско и Елены, отмечая, что несмотря на схожесть их судеб (обе девушки не имеют собственной памяти и становятся заложницами чужих воспоминаний) их образы различны. Кавалер де Грие создает «миф о Манон», в то время как Командор изначально снисходительно относился к Елене, которую с самого начала не считал равной себе. «История юности Командора» (1741) – роман, сочетающий пессимистический подход к страсти с насмешкой и иронией, развенчивающий традиционное понимание великой романической страсти [7, р. 36].

Все рассмотренные статьи свидетельствуют о том, что интерес современных исследователей направлен не только к «Манон Леско», но и к тем романам, которые до сих пор практически не были объектом литературоведческого анализа. Бросается в глаза стремление современных ученых выбирать новые ракурсы изучения этих романов, развивать сравнительно-исторический подход, сопоставляя жанровые особенности романов Прево со складывающейся моделью мемуарного романа в творчестве других писателей – современников Прево. Это открывает перспективу дальнейшего изучения творчества Прево не как автора одного шедевра, а как значительного романиста, оставившего важный след в жанровой эволюции мемуарно-романической прозы.

Список литературы

1. Бюлер В. Несобственно-прямая речь в английском романе. Предварительные стадии и развитие в творчестве Джейн Остин.
Bühler W. Die «Erlebte Rede» im englischen Roman. Ihre Vorstufen und ihre Ausbildung im Werke Jane Austen. – Zürich ; Leipzig : Max Niehans Verlag, 1936. – 184 p.
2. Голлу Ж.-Д., Зуффере Ж. Нерегулируемая косвенная речь : предок несобственно-прямой речи?
Gollut J.-D., Zufferey J. L'indirect non régi chez Prévost : un ancêtre de discours indirect libre? // Verbum. – 2019. – Vol. 41, N 1. – P. 127–143.
3. Принципато О. Риторика и повествовательная техника в творчестве аббата Прево.
Principato Au. Rhétorique et technique narratives chez l'abbé Prévost // Transactions of the Fifth international congress on the Enlightenment. – Oxford : Voltaire Foundation, 1980. – Vol. 3. – P. 1352–1359.

4. Принсипато О. Три варианта концовки «Киллеринского настоятеля». Principato Au. Les trois fins provisoires du Doyen de Killerine // Fabula. Les colloques. Les fins intermédiaires dans les fictions narratives des XVIIe et XVIIIe siècles. – 2019. – 25.05. – URL: <https://www.fabula.org/colloques/document5971.php#citation>
5. Сгар Ж. Смерть Манон. Sgard J. La mort de Manon // Fabula. Les colloques. «Une espèce de prédiction» : Dire et imaginer l'avenir dans la fiction d'Ancien Régime». – 2018. – 21.09. – URL: <https://www.fabula.org/colloques/document5691.php%20%20%0dhttps://www.fabula.org/colloques/document6289.php#citation>
6. Тактак С. Архитектурная конфигурация тюремного пространства в романе Прево «Манон Леско» : проблемы романического представления. Taktak S. La configuration architecturale de l'espace carcéral dans Manon Lescaut de Prévost : les enjeux d'une représentation Romanesque // Le Monde français du dix-huitième siècle. – 2019. – Vol. 4, N 1. – P. 1–10. – URL: <https://ojs.lib.uwo.ca/index.php/mfds-ecfw/article/view/8485/6827>
7. Турекова А. Память и воображение в «Истории юности Командора» аббата Прево. Tureková A. Mémoire et imagination dans la Jeunesse du Commandeur de l'abbé Prévost // Svět literatury. – 2020. – Special issue : Mémoire – oubli – réminiscence : études réunies par Eva Voldřichová Beránková et Závěš Šuman. – P. 29–37.
8. Уолш Дж. «История одной гречанки» аббата Прево : представители власти на испытании. Walsh J. Abbé Prévost's Histoire d'une Grecque moderne : figures of Authority on trial. – Birmingham : Summa publications, 2001. – 179 p.
9. Франсуа А. История культурного французского языка. François A. Histoire de la langue française cultivée. – Genève : Alexandre Jullien, 1959. – 306 p.